

Посвящаю тебе, Крис

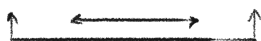
TERRORIST MINDS

**THE PSYCHOLOGY OF VIOLENT EXTREMISM
FROM AL-QAEDA TO THE FAR RIGHT**

JOHN HORGAN

Columbia University Press / New York

ДЖОН ХОРГАН

ПСИХОЛОГИЯ ТЕРРОРИСТА

ПОЧЕМУ ЛЮДИ НАЧИНАЮТ
УБИВАТЬ РАДИ ИДЕИ

Перевод с английского

АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР

Москва, 2025

УДК 323.28
ББК 66.4(0),304
Х79

В книге упоминаются социальные сети Instagram и/или Facebook, принадлежащие компании Meta Platforms Inc., деятельность которой по реализации соответствующих продуктов на территории Российской Федерации запрещена.

Переводчик ВАЛЕНТИНА КОМАРОВА

Редактор ВАЛЕРИЯ БАШКИРОВА

Хоган Д.

X79 Психология террориста: Почему люди начинают убивать ради идеи / Джон Хоган ; Пер. с англ. — М. : Альпина Паблишер, 2025. — 318 с.

ISBN 978-5-9614-9494-5

Терроризм — не просто ужасное зло, это одна из самых сложных проблем современности, решение которой человечеству еще предстоит найти. Джон Хоган, признанный эксперт в области психологии терроризма, в своей книге описывает механизмы, приводящие обычных людей на путь насильственного экстремизма. Их действия зачастую продиктованы разрушительной идеологией, которая оправдывает применение насилия во имя больших целей, однако мотивация террористов может казаться рациональными только им самим. Автор опирается на двадцатилетний опыт исследований и предлагает читателям уникальный анализ образа мышления, поведения и идеологии участников самых разных террористических организаций. Он развенчивает мифы о терроризме, анализирует роль высоких технологий в формировании облика террора в XXI веке, а также предлагает меры, которые могут помочь в дерадикализации и реабилитации участников экстремистских групп. Эта книга убедительно доказывает, что борьба с терроризмом требует не только военной силы и политической воли, но и глубокого понимания его социальных и психологических корней.

УДК 323.28

ББК 66.4(0),304

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru.

© 2024 Columbia University Press
This Russian language edition is a complete translation of the U.S. edition, specially authorized by the original publisher, Columbia University Press

© Издание на русском языке,
перевод, оформление.
ООО «Альпина Паблишер», 2025

ISBN 978-5-9614-9494-5 (рус.)
ISBN 978-0-2311-9838-7 (англ.)

Изучать психологию очень опасно и очень важно.

УСАМА БЕН ЛАДЕН

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	9
Глава 1. Что такое терроризм?	19
Терроризм и террористы	23
Терроризм сегодня	28
Что считать терроризмом?	34
Выводы	47
Глава 2. Потенциальные террористы	51
Кто такие террористы?	53
Слагаемые разнообразия	84
Выводы	91
Глава 3. Мотивация террористов	98
Интерпретация мотивов	100
Вербовщики	123
Мотивация имеет значение?	129
Выводы	137
Глава 4. Как мыслят террористы?	145
Дегуманизация противника	148
Практика, практика и еще раз практика	156
Все начинается с мелочей	167
Терроризм и психические отклонения	176
Выводы	181

Глава 5. Возвращение в общество	183
Отказ от террористической деятельности	187
Реабилитация и реинтеграция	196
Рецидивизм	202
Оценка риска рецидивизма	206
Выводы	213
Глава 6. Разговор с террористом	220
Интервью	222
Беседа в «домашних» условиях	230
В поисках источников информации	241
Выводы	251
Глава 7. Как победить торнадо	256
Навстречу урагану	258
Кто, как, когда и где?	266
Выводы	273
<i>Благодарности</i>	281
<i>Примечания</i>	283

ПРЕДИСЛОВИЕ

9 мая 1976 года Ульриха Майнхоф в возрасте 41 года повесилась в своей камере в немецкой тюрьме «Штаммхайм»¹. Чтобы свести счеты с жизнью, мать девочек-двойняшек, в прошлом журналистка, идейная вдохновительница и интеллектуальный лидер террористической группировки Баадера-Майнхоф использовала полотенце. Спустя год другие члены группировки, впоследствии ставшей известной как «Фракция Красной армии»*, тоже покончили с собой. Гудрун Энсслин, ее бойфренд Андреас Баадер и их сообщник Ян Карл Распе сделали это через несколько часов после неудачной попытки побега из той же тюрьмы. В 1970-х и 1980-х годах «Фракция Красной армии» боролась с капитализмом в Европе и за ее пределами, вдохновляя радикалов, революционеров и свободолюбивых мечтателей по всему миру. К началу 1990-х, когда активность «Фракции» начала постепенно затухать, на ее счету было множество расстрелов, взрывов и налетов на банки².

* «Фракция Красной армии» (нем. Rote Armee Fraktion, RAF) — немецкая леворадикальная террористическая организация, действовавшая на территориях ФРГ и Западного Берлина с 1970 по 1998 год. — *Здесь и далее прим. ред., если не указано иное.*

Прошли годы, но споры вокруг самоубийства террористов в «Штаммхайме» не утихали. Действительно ли Майнхоф покончила с собой, или ее убили тюремщики? Баадер и его сообщники содержались в разных камерах, и тем не менее им каким-то образом удалось спланировать коллективное самоубийство. Энсслин повесилась, как и Майнхоф, а Баадер и Распе застрелились из пистолетов Heckler & Koch, тайно переданных им в тюрьму. Четвертая участница «Фракции Красной армии», также содержавшаяся в «Штаммхайме», нанесла себе раны хлебным ножом, но выжила, и это породило подозрения, что самоубийствам как минимум не препятствовали³. Однако все эти события, несмотря на множество вопросов, отошли на второй план, когда всплыли факты, ставшие причиной новых судебных разбирательств. Спустя почти 25 лет после серии самоубийств в «Штаммхайме» стало известно, что в свое время немецкие власти дали секретное разрешение на использование фрагментов мозга Майнхоф, Энсслин, Баадера и Распе для научных исследований, причем родственникам об этом не сообщили⁴. Только по прошествии десятков лет одна из дочерей Майнхоф, Беттина Рёль, узнала, что фрагменты головного мозга ее матери были переданы двум немецким исследовательским институтам, а третий фрагмент помещен на хранение в раствор формальдегида. Официально сообщалось, что головной мозг Энсслин, Баадера и Распе пропал, но документов, подтверждающих, что он был кремирован или утерян, обнаружено не было⁵. Промелькнула информация, что головной мозг троих террористов некоторое время находился в Тюбингенском институте клинических исследований мозга, но, когда в 2002 году журналисты *Der Spiegel* начали собственное расследование и прямо спросили об этом руководство института, возглавлявший последний доктор Рихард Мейерманн ответил, что головной мозг в учреждении больше не хранится⁶.

Бернхард Богертс, профессор Магдебургского университета, в котором изучали головной мозг Майнхоф, обнародовал результаты работы своей команды, из которых следовало, что «в ходе исследований были выявлены признаки неврологического расстройства». Нарушения, обнаруженные учеными, возникли после операции по удалению доброкачественной опухоли (эту операцию Майнхоф перенесла, когда ей было 28 лет). Опухоль, как сообщалось, полностью не удалили⁷. Невропатолог, присутствовавший при официальном вскрытии, также доложил о «повреждении мозга в области миндалевидного тела», причиной которого, скорее всего, была не сама опухоль, а хирургическое вмешательство⁸. Дочь Майнхоф, Беттина Рёль, заявила, что ее мать, мозг которой был поврежден в результате операции, вообще не должны были судить⁹. В 2002 году в одном из интервью Беттина Рёль сказала: «Мертвый террорист имеет право на гуманное отношение и должен быть похоронен по-человечески»¹⁰. Государственный прокурор в Штутгарте заявил немецкой газете *Bild*: «Если Ульриха Майнхоф не давала своего разрешения на то, чтобы ее тело после смерти использовали для научных исследований, ее головной мозг после вскрытия должен был быть уничтожен»¹¹. По указанию прокуратуры Штутгарта мозг Майнхоф был кремирован, урна передана дочери и позже захоронена рядом с могилой Майнхоф на южной окраине Берлина.

Я часто говорю своим студентам, что изучать психологию террористов очень сложно по той простой причине, что мы не можем посмотреть, что творится у них в голове. Однако в некоторых случаях это возможно — в прямом смысле. В среднем мозг взрослого человека весит около 1,5 кг и легко разделяется на части. Сможет ли исследование мозга мертвого террориста пролить свет на причины, по которым этот человек стал террористом? Много лет спустя после упомянутого громкого судебного процесса Богертс в соавторстве

с коллегами опубликовал работу, из которой следовало, что «развитие радикальных политических взглядов у [Майнхоф] не объясняется повреждением мозга в результате хирургического вмешательства и причины интереса к радикальным идеям и приверженности радикальным взглядам следует искать в политических и социальных связях». Вместе с тем, указывали авторы статьи, «тот факт, что она стала более агрессивной и жестокой, напрямую связан с повреждением мозга в области миндалевидного тела»¹². Хотя в случае Майнхоф повреждение мозга отчасти все же обусловило ее участие в террористической деятельности, одного этого было мало.

Как же понять, что движет такими, как Майнхоф, и почему? Попробуем ответить на эти вопросы. Книга, которую вы держите в руках, — результат 20-летних исследований терроризма. В ней показано, как психологическая наука помогает изучать поведение террористов. Впрочем, особо обольщаться не стоит. Предупреждаю (спойлер) — если вы дочитаете книгу до конца, у вас может возникнуть еще один вопрос: «20 лет исследований, а ключ к разгадке так и не найден?» Что делать, так оно и есть. Терроризм — серьезная проблема. Мотивы террористов трудно понять и объяснить. Термин «терроризм» имеет яркую политическую окраску, и говорить на эту тему непросто. Нельзя выделить одну-единственную причину возникновения терроризма, и поэтому не существует одного-единственного решения проблемы. История терроризма, о которой мы, как правило, забываем, уходит корнями в глубокое прошлое. Феномен терроризма — предмет многих научных дисциплин, но вплоть до сегодняшнего дня ни одна гипотеза не доказала своего явного преимущества перед другими, и, несмотря на весь драматизм внешних проявлений терроризма, многое остается за кадром. Те, кого мы называем террористами, действуют, организуют заговоры и планируют самые неожиданные и жестокие акции, направленные против мирного населения. Действуют они

в основном подпольно. Профессор Ноэми Бухана из Университетского колледжа Лондона в 2019 году писала в Twitter: «Пытаться что-то понять без теоретической базы — все равно что собирать огромный пазл без картинки, начиная с середины»¹³. Эта аналогия дает очень ясное представление о процессе изучения терроризма. Мало того что мы не знаем общей картины и у нас нет инструкции по сборке пазла, так еще и некоторые фрагменты пазла не стыкуются друг с другом. А стоит нам возомнить, что мы наконец-то собрали пазл, как выясняется, что остались лишние детали. Покажите такой пазл кому-нибудь, и вам непременно скажут, что с получившейся картиной, мягко говоря, что-то не так. Иными словами, как сокрушается эксперт в области терроризма профессор Алекс Шмид, «предмет исследования <...> настолько сложен, насколько это возможно в социальных науках»¹⁴.

Чтобы понять, что такое терроризм, многие изучают террористов. Этим занимаются и те, кто их ловит, то есть представители органов правопорядка, и академические ученые, такие как автор этой книги. Цель исследователей — попытаться понять логику и поведение террористов, анализируя, что именно они совершают и каким образом. Поиском ответов на эти вопросы в последнее время занимается все больше специалистов. Исследования терроризма как явления (в особенности с точки зрения психологии) приобрели такие масштабы, что досконально изучить все работы в этой области и извлечь из них самое существенное вряд ли возможно. Поэтому моя задача — сфокусироваться на психологии террористов и рассказать читателям, что нам известно о ней на данный момент, то есть кто такие террористы, как они действуют и почему. На этом пути меня вдохновляет цитата из книги Трейси Киддер и Ричарда Тоддса «Хорошая проза» (Good Prose): «Честный писатель, работающий в жанре нон-фикшен, — это фантазер, который умеет держать себя в узде»¹⁵.

Итак, я представляю вашему вниманию результаты множества исследований психологов (и других специалистов) на эту тему, не затрагивая огромный пласт работ в рамках других научных дисциплин. Вас ждет честный рассказ о том, чем мы руководствуемся, пытаюсь понять террориста с точки зрения психологической науки. Уверен, некоторые исследователи наверняка на меня обидятся — не потому, что я неправильно интерпретировал результаты их работы, а потому, что я вообще не упомянул их в этой книге. Но я давно уже не пытаюсь объять необъятное, и, если вы один из тех, на чьи работы я не ссылаюсь, не принимайте этого близко к сердцу.

Изучая терроризм, порой приходится задавать себе не только правильные, но и неудобные вопросы. Правда ли, что при определенных обстоятельствах террористом может стать любой из нас? В том числе и *вы*? В зависимости от конкретных обстоятельств этот вопрос кажется либо опасным, либо банальным. Может сложиться впечатление, что это своего рода уступка злу: разумеется, подобные вопросы не оправдывают терроризм, но в то же время вынуждают признать, что миром правят несправедливость, насилие и дискриминация. Если вас или того, кто вам дорог, держат под прицелом, пытаются, если им угрожают или их домогаются, избивают и мучают, вы непременно захотите нанести ответный удар, и это вполне естественная реакция, не так ли? Одна из самых важных для исследователя задач — постараться не только понять, почему обычный человек вдруг становится террористом, но и разобраться в том, почему лишь *немногие* вступают на этот путь. В своем эссе о джихадизме журналист Танджил Рашид перечисляет факторы, которые влияют на формирование будущих террористов. «На грандиозном мировом полотне, — пишет он, — мы видим огромные сообщества и страны, которые стали жертвами империализма, оказались в изоляции из-за исламофобии или были индоктринированы с помощью саудовских нефтедолларов. Однако эти силы вовлекают в конфликт

огромное количество людей, а радикалами становятся немногие. Возникает вопрос: что же такого особенного в характере этих немногих?»¹⁶ Эти слова Рашида отражают главную мысль этой книги. Не так уж трудно разобраться в том, какие идеалы, принципы и радикальные идеологические течения рождают ветры перемен на локальном, региональном или глобальном уровне. Все эти факторы, порождающие терроризм, ученые называют структурными условиями. Гораздо труднее понять, почему ветер радикализма подхватывает и уносит лишь отдельных людей. На этот вопрос не ответит ни углубленный анализ формирования и распространения идеологии, ни самая полная база статистических данных. Как отмечает специалист по проблеме терроризма Александр Мелеагроу-Хитченс в своей авторитетной работе, посвященной Анвару аль-Авлаки*, обработка огромных массивов количественных данных «дает не так уж много»¹⁷.

Я психолог. Мне приходилось расспрашивать террористов из разных стран, почему они вступили на этот путь. Психологи изучают поведение людей — что те делают и как, — а потом пытаются понять *причины* их поведения. Поскольку все мы в большей или меньшей степени существа социальные, психологи, как правило, изучают поведение отдельных индивидов в группах или организациях. Социологи тоже изучают поведение людей, но в том числе на уровне социальных сдвигов. Изучают поведение людей и антропологи, но в гораздо более широком плане — на уровне рас и культур. Терроризм — социальный феномен, и все же речь идет в первую очередь о конкретных людях. В большинстве случаев будущие террористы *добровольно* выбирают свой путь, но нередко они делают это, полагая, что действуют от имени сообщества, которое примет их за это с распростертыми объятиями. Им кажется, что на их

* Анвар аль-Авлаки (1971–2011) — радикальный исламистский проповедник; поддерживал действия исламистских террористических организаций, в том числе «Аль-Каиды».

долю выпала почетная роль — изменить нечто гораздо более значительное, чем они сами, их ближайшее окружение или более широкое сообщество, оказывающее им помощь и поддержку. Кстати, не будем забывать вот о чем: чтобы понять, что движет террористом и что его вдохновляет, необходимо учитывать и реакцию на терроризм отдельных представителей власти и государственных институтов — нередко эта реакция лишь усугубляет проблему.

В своей книге «Экстремизм: философский анализ» (Extremism: A Philosophical Analysis), изданной в 2021 году, Квассим Кассам пишет, что результаты исследования терроризма с точки зрения психологии описывают экстремистское мышление ненамного точнее художественной литературы¹⁸. Я категорически с этим не согласен и считаю, что для изучения и объяснения терроризма у психологов есть самые разные возможности. И хотя тем из них, кто изучает поведение террористов, предстоит пройти долгий путь, прежде чем они получают ответы на свои вопросы, строгость психологии как науки, опирающейся на испытанные методы, подкрепленные глубокими теоретическими соображениями, уже сейчас позволяет объяснять поведение террористов гораздо лучше, чем раньше. Итак, в этой книге не только рассказывается о том, что нам известно на сегодняшний день и чего мы еще не знаем, но и делается попытка прогнозировать, в каком направлении будут развиваться исследования терроризма в недалеком будущем. Мы нарисует психологический портрет террориста, а также изучим прошлое, мотивацию и образ мыслей тех, кто при определенных обстоятельствах убил бы вас или меня во имя идей, о которых мы с вами, возможно, и понятия не имеем.

А теперь я снова прошу вас умерить ваши ожидания. Не существует простых ответов на сложные вопросы, не существует и простых решений проблемы терроризма, а главное, эта проблема настолько сложна для изучения и понимания, что приходится буквально заставлять себя не отчаиваться

и продолжать работу. Да, я знаю, проще сказать, чем сделать. Много лет назад меня, тогда еще молодого ученого, впервые пригласили прочитать лекцию по психологии в Пентагоне, и мне очень хотелось впечатлить аудиторию своими академическими познаниями. Не прошло и 15 минут после начала лекции, как большинство моих слушателей либо заснули (в буквальном смысле слова), либо откровенно заскучили. Тем не менее я имел возможность убедиться в исключительной вежливости и тактичности сотрудников министерства обороны. Когда я закончил выступление, организатор мероприятия горячо поблагодарил меня за познавательную лекцию. Но, провожая меня к выходу из здания, он вдруг положил руку мне на плечо и сказал: «Позвольте дать вам совет. Говорите проще. Ребятам важно схватить суть». Просить ученого говорить проще — все равно что заставлять его расписаться в собственной никчемности. «Но тема очень сложная», — возразил я. «Не спорю, — согласился организатор, — но вы ведь хотите, чтобы вас *поняли*, не так ли?» Его слова я запомнил на всю жизнь. Хорошо ли я усвоил этот урок, судить вам. Напоследок замечу, что эта книга не предназначена для моих коллег-ученых и специалистов по терроризму. Если вы из их числа, вам, возможно, более полезно будет ознакомиться с первоисточниками (включая и мои работы), указанными в примечаниях. А книга адресована тем читателям, которые почти ничего не знают о психологии террористов, но интересуются ею.

В следующих главах я расскажу о том, что такое терроризм, а также о том, что по определению нельзя считать терроризмом. Вы получите ответ на вопрос, *кто* вовлекается в террористическую деятельность. Мы с вами рассмотрим социальные, демографические и прочие характеристики, которые в совокупности составляют психологический портрет террориста. Это поможет понять, *почему* террористы делают то, что они делают. Как у них формируется особый

тип мышления и каким образом террористическая деятельность влияет на поведение и умы тех, кто в ней участвует? Получив ответы на эти вопросы, мы поймем, как вступившие на путь терроризма учатся убивать и одновременно оправдывать свои действия перед самими собой и окружающими. Мы также уделим внимание вопросам, которые в последнее время занимают исследователей: как террористы *рвут* со своим радикальным прошлым и могут ли они вновь стать достойными членами общества, с которым совсем недавно вели непримиримую борьбу? В главе 6 я аргументированно доказываю, что с террористами необходимо говорить. Это один из важнейших посылов книги. Чтобы глубже проникнуть в сознание террористов, следует использовать всесторонний подход к изучению их взглядов и образа мысли, а для этого надо задавать вопросы непосредственно террористам (и внимательно выслушивать их ответы).

Рассуждая на страницах этой книги о мышлении террористов, я намерен одновременно и усложнять, и упрощать проблему терроризма. Проблема эта сложная. Но надо попытаться разложить ее на более простые составляющие — только так мы научимся срывать планы террористов и даже предотвращать террористические атаки. Не берусь утверждать, что мне удалось в достаточной мере упростить задачу в рамках данного рассуждения, но очень надеюсь, что смог обрисовать весь комплекс проблем, связанных с терроризмом, и предложить методы их решения. Неважно, кто вы — специалист по борьбе с терроризмом, политик или простой обыватель, который заинтересовался проблемой терроризма, — приведенные здесь аргументы и выводы дадут вам пищу для размышлений независимо от того, подкрепляют ли они или ставят под сомнение (или даже опровергают) то, что вам уже известно.

Глава 1

ЧТО ТАКОЕ ТЕРРОРИЗМ?

Заснеженная вершина Килиманджаро расположена на высоте 5895 м над уровнем моря. Килиманджаро — самая высокая гора в Африке, но далеко не самая высокая в мире. Эверест выше примерно на 3048 м. Многие любители острых ощущений (особенно те, кому только предстоит совершить восхождение) несколько пренебрежительно отзываются о Килиманджаро как о «горе для прогулок». Тем не менее из года в год по горным тропам бредут усталые туристы, преодолевая сильную головную боль и тошноту — симптомы горной болезни, развивающейся при слишком быстром подъеме. Во время поездки в Африку в 2018 году 24-летняя туристка из Дании Луиза Йесперсен не планировала восхождение на Килиманджаро. Ей хотелось покорить гору Тубкаль в Марокко. С ее удивительной вершины (более 4000 м над уровнем моря) открываются потрясающие виды. Луиза готовилась к восхождению несколько месяцев, тщательно продумывала маршрут. О своих планах она писала в социальных сетях и просила друзей, таких же любителей активного отдыха, делиться советами и опытом¹. Луиза не мыслила жизни без путешествий и обожала природу. Она исходила вдоль и поперек почти все горные тропы в Южной

Америке и мечтала когда-нибудь отправиться в полярную экспедицию. Ранее в том же 2018 году она подала заявку в туристическую компанию Fjällräven, надеясь попасть в число участников ежегодной экспедиции на собачьих упряжках через Арктику². В то время Луиза была студенткой Университета Юго-Восточной Норвегии — именно там она и познакомилась с Марен Уланд, которая, как и Луиза, обожала турпоходы и путешествия. Марен была старше Луизы на четыре года и выросла в Норвегии. Девушки подружились. В их аккаунтах в Facebook и YouTube рассказывалось о многочисленных турпоходах и горных восхождениях и в снег, и в зной, и в дождь. На одном из снимков Марен стоит на покрытой льдом вершине и смеется от радости, понять которую могут только альпинисты. Неудивительно, что обе девушки мечтали стать гидами-проводниками³.

9 декабря 2018 года подруги прилетели в Марракеш, чтобы начать восхождение на вершину Тубкаль. Они разбили лагерь в нескольких километрах от горной деревушки Имлиль⁴. Восемь дней спустя тела Марен и Луизы обнаружили двое туристов, следовавших по тому же маршруту. По-видимому, спускаясь с горы, девушки встретили тех, кто, как указано в материалах следствия, «искал уроженцев Запада, чтобы убить их»⁵.

Журналисты, освещавшие ход расследования убийства и судебный процесс, обнародовали имена почти двух десятков мужчин, причастных к этому злодеянию. Трое из них были признаны главными виновными. Зачинщиком был 25-летний Абдессамад Эджуд. Вместе с 27-летним Юнесом Уазиядом он зарезал женщин в их палатке, а третий преступник, 33-летний Рашид Афатти, снял убийство на телефон. Эджуд и Уазияд завязали Луизе глаза, а затем обезглавили ее. После этого обезглавили Марен. В видеоролике продолжительностью 1 минута 16 секунд один из убийц называет женщин «врагами Аллаха» и говорит, что их смерть — это

«мечь за наших братьев в Дейр-эз-Зоре»⁶ (джихадистов, убитых в Сирии). За несколько лет до этого Эджуд был заключен в тюрьму после неудачной попытки отправиться в Сирию, чтобы присоединиться к «Исламскому государству»*. В 2015 году он вышел на свободу, а четыре года спустя признался следователю: «Я решил продолжать джихад здесь⁷, — и добавил: — Я сожалею о том, что произошло, и никак не могу осознать то, что сделал». Все трое были приговорены к смертной казни. Четвертый участник нападения, который покинул место преступления до совершения убийства, получил пожизненный срок. Один из адвокатов убийц заявил о намерении защиты подать апелляцию⁸. Основанием для апелляции, по мнению адвоката, служил тот факт, что убийцы «происходили из бедных семей и были необразованны»⁹.

Движение «Исламское государство» проигнорировало это убийство. Тем не менее видео, записанное на мобильный телефон Афатти, набрало 800 000 просмотров всего за месяц. Наряду с ревностными сторонниками «Исламского государства», которые рассылали по соцсетям видео с доказательствами убийств, сторонники крайне правых течений с неменьшим рвением делились видеозаписью в качестве свидетельства «злодеяний приверженцев ислама». Так у видео сформировалась огромная аудитория, включавшая тех, кто проявлял нездоровое любопытство, и тех, кто демонстрировал импульсивное поведение, характерное для пользователей социальных сетей. Даже в Дании многие подростки делились друг с другом этим видео¹⁰.

Я не был знаком ни с Луизой, ни с Марен. Я никогда не встречался ни с ними, ни с кем-либо из их друзей или родственников. Как и они, я люблю горы и стараюсь выбираться на природу при первой возможности. В течение нескольких дней и недель после убийства девушек я про-

* Террористическая организация, запрещенная в России.

читал множество новостей об убийстве и внимательно изучил криминалистическую реконструкцию событий в *The New York Times*. Я старался узнать о преступлении как можно больше. Почему Луиза решила поехать именно в Атласские горы? Ей понравилась фотография в журнале для альпинистов? Или фотка в Instagram? В течение двух лет после этих трагических событий я все время размышлял, стоит ли мне написать о них. Анализировать такое гнусное злодеяние, чтобы привлечь внимание читателей? Нет, это недопустимо. Превращать историю об убийстве в статью для интеллектуалов? Но это ничуть не лучше, чем публиковать видеозапись преступления в интернете. Психиатр Джеймс Нолл, изучавший психологию массовых убийц, призывал с осторожностью относиться к высказываниям тех, кто «домысливает мотивы». С недопустимой поспешностью такие исследователи высказывают предположения относительно мотивов убийства, почти ничего не зная о событиях, о которых берутся судить. Такой подход к изучению поведения террористов говорит только о моральных качествах исследователя и не способствует пониманию проблемы. Я прочитал немало работ по криминальной документалистике и не хотел бы ничего домысливать — это слишком рискованно. И все же эта трагическая история отпечаталась в моей памяти. Убийство девушек поразило меня не только жестокостью, не только вопиющей несправедливостью, но и бессмысленностью. Убийцы Луизы и Марен хотели привлечь к себе внимание и добиться одобрения «Исламского государства». Они не достигли своей цели. Вместо того чтобы снискать славу настоящих воинов ислама, они рыдали в зале суда, умоляя о пощаде судью, приговорившего их к смертной казни.

Терроризм — чудовищное зло. Для террористов их жертвы — фигуры символические, и убийцы, как правило, не знакомы с ними. Жертвы террористов оказываются в неправильное время в неправильном месте, и их убивают

во имя цели, о которой они, вероятно, никогда и не слышали. Их гибель — результат трагического стечения обстоятельств, но преступники и их сторонники торжественно провозглашают убийство невинных людей единственно правильным решением, оправданным и даже необходимым. Для убийц жертвы терроризма — расходный материал. Убитые всего лишь пешки в чужой игре, а эта игра, в свою очередь, является частью более масштабных сценариев, которые почти никогда не приводят игроков к желанной цели. Луиза и Марен отправились в Атласские горы, потому что были очарованы их красотой и хотели покорить очередную вершину. Вместо этого они погибли с завязанными глазами от рук троих мужчин, с которыми никогда ранее не встречались. А террористы, убивая женщин и снимая убийство на камеру, надеялись привлечь к себе внимание и произвести впечатление на людей, с которыми не были знакомы¹¹.

ТЕРРОРИЗМ И ТЕРРОРИСТЫ

Когда-то мы, психологи, считали, что террористы — просто сумасшедшие. Мы были неправы. С течением времени мы стали воспринимать этих людей как вполне рациональных, целеустремленных мужчин и женщин, совершающих отвратительные преступления во имя своих убеждений. Зверства террористов кажутся совершенно нерациональными. Тем не менее поведение террористов диктуется холодным расчетом, в основе которого лежит тщательно продуманный план. Терроризм оправдывают соответствующей идеологией: теракты якобы совершаются с целью защиты более крупного сообщества (или становятся актом мести). За совершенные преступления террористы надеются получить награду или признание террористической группировки, и это их вдохнов-

ляет и мотивирует. Терроризм — это убийства и разрушения, но цели у террористов более масштабные. Своими действиями они стремятся изменить ход событий, что, в свою очередь, часто провоцирует на еще более жестокое насилие. К примеру, серия терактов может быть направлена на то, чтобы привлечь внимание к борьбе оккупированного государства за политическую независимость или защитить сообщество от врага, который якобы посягает на его свободы. Терроризм нередко имеет и более конкретные цели — это может быть и протест против содержания диких животных в неволе, и поддержка движения против аборт. Террористическая стратегия может служить самым разным целям. Рациональность, как говорится, в глазах смотрящего. Для оправдания терроризма его сторонники используют несложное логическое построение: по их мнению, насилие и террор полезны и даже *необходимы*, поскольку только так можно донести свой протест до равнодушной общественности или бездействующего правительства.

В конце 2007 года я беседовал с бывшим террористом в его лондонской квартире. После окончания «официального» интервью, которое длилось несколько часов, он, сидя перед тарелкой с остывшей пиццей, признался: хотя после того, как он решил порвать с терроризмом, прошло уже 20 лет, ему до сих пор до конца не ясно, зачем он вообще во все это ввязался. Его слова поразили меня. Если сами террористы не понимают, почему совершали теракты, что же говорить о нас, психологах? В работах о терроризме, безусловно, поднимаются серьезные вопросы. Честный ученый либо в начале, либо в конце статьи или книги непременно напишет, что терроризм — это комплекс непростых проблем. Да, предмет наших исследований до такой степени сложен, что это порой повергает в отчаяние, но сложность — это не обязательно плохо. Важно уметь разбираться в хитросплетениях — только так мы перестанем надеяться на легкие и простые ответы

и будем относиться к простым решениям, порой предлагаемым политиками и учеными мужами, с долей скепсиса. Однако, когда мы говорим читателям, что осознание сложности проблемы следует рассматривать как очередной шаг к ее пониманию, это несколько рискованно и может иметь серьезные последствия. Переживший холокост Примо Леви* писал, что жестокость нацистов «невозможно понять или, скорее, не следует понимать, потому что понять — значит почти оправдать»¹².

Одно можно сказать наверняка: как бы мы ни относились к терроризму, его нельзя игнорировать. Терроризм постоянно держит нас в напряжении и время от времени выводит из состояния благодушной обывательской самоуспокоенности. Теракты вновь и вновь шокируют и возмущают общество, которое, кажется, смирилось с террористической угрозой (или, по крайней мере, свиклось с ней). Террористы вновь и вновь вселяют в нас ужас, совершая неожиданные масштабные теракты, в результате которых гибнет множество людей, как это было 11 сентября 2001 года. Преступники постоянно меняют стратегию, выбирают, кому жить, а кому умереть, и порой убивают тех, кто до сих пор считался неприкосновенным. В мае 2020 года боевики, предположительно связанные с «Исламским государством», ворвались в родильное отделение больницы в Кабуле и убили 16 женщин и двоих новорожденных. Такая зверская жестокость вызывает глубокое отвращение. Иначе и быть не может. Преднамеренное, обдуманное убийство человека — глубоко противоестественный акт, отрицающий даже намек на рациональность или здравомыслие. Большинство из нас настолько далеки от идей террористов, что вряд ли смогут заставить себя спокойно размышлять о психологии и стратегии негодяев.

* Примо Леви (1919–1987) — итальянский поэт, прозаик и переводчик; в годы Второй мировой войны был партизаном, в 1944 году оказался в Освенциме, где чудом выжил и позднее написал об этом книгу.

Реакция обычного человека на трагические события — гнев и отчаяние. Зачем убивать новорожденных? Во имя каких высоких целей было совершено это зверское преступление? Вопиющая жестокость, которая нас так возмущает, еще и абсолютно бессмысленна. Террористам редко удается достичь глобальных целей, однако этот неоспоримый факт не останавливает даже плохо вооруженные группировки: они все равно пытаются оказать давление на общество, публично убивая тех, кто кажется им удобной мишенью. Чаще всего именно фанатичная вера в собственную правоту вдохновляет террористические группировки на борьбу с непреодолимыми трудностями и гораздо более могущественным противником.

Терроризм — стратегия, а тактика террористов — насилие. Они преследуют более серьезные цели, чем убийство ради убийства. В стратегии терроризма масса противоречий: террористы добиваются свободы для одних групп населения, отнимая ее у других. Они используют насилие для достижения своих целей, потому что хотят, чтобы их заметили и услышали, но в то же время насилие восстанавливает против них население — вряд ли преступников захотят слушать после того, что они сделали. Террористы отвечают на это новыми, еще более жестокими терактами. Реакция государства на теракты, как правило, не решает проблему, а лишь усугубляет ее, и ситуация еще сильнее накаляется. Во всем мире государство реагирует на теракты ужесточением репрессий, казнями, убийствами без суда и следствия, похищениями и другими грубыми нарушениями прав человека, причем все это совершается во имя тех же прав и свобод, за которые, по их словам, борются и террористы. Напряжение быстро нарастает, и вот уже первоначальная цель теракта забыта, а террористов, власти и оказавшееся между двух огней перепуганное население швыряет друг в друга буря взаимной ненависти.

Когда пытаются оправдать терроризм, обычно говорят, что теракты носят оборонительный характер, что эта стратегия нацелена на защиту чьих-то рубежей от более сильного (как правило) противника. Такая стратегия так привлекает террористические организации прежде всего потому, что наносит обществу сильнейший психологический удар. Последствия терактов 11 сентября 2001 года, возможно, даже превзошли ожидания главарей «Аль-Каиды»*, но изначально последние ставили перед собой вполне определенную цель: нанести ущерб США и унижить американцев, а также максимально жестко дать понять, что те уязвимы и почти беззащитны перед гораздо меньшим по численности невидимым противником. При поддержке глобальной коалиции Соединенные Штаты нанесли ответный удар и вторглись в Афганистан и Ирак. Итог вторжения — сотни тысяч убитых и политическая нестабильность в этих регионах. Что же касается «Аль-Каиды», то спустя 20 лет она все еще продолжает существовать.

Небольшим группам радикалов-фанатиков тактика террористов понятна и близка. Локальные акты насилия могут произвести гораздо более серьезный эффект и всколыхнуть общество, если их спланировать и совершить как масштабные теракты. Это дает фанатику определенные психологические бонусы: укрепляет его веру в свою правоту и помогает мгновенно почувствовать удовлетворение от содеянного. Однако с точки зрения стратегии полученные преимущества, как правило, недолговечны. Терроризм эффективен в краткосрочной перспективе — главным образом из-за психологического воздействия. После теракта общество испытывает шок, ужас, чувство унижения и беспомощности, и эти переживания могут проникать очень глубоко. Мы буквально застываем на месте и невольно задаемся вопросом: кто будет следующим? Может быть, мы сами или наши близкие? Мы не в силах оторваться

* Террористическая организация, запрещенная в России.

от новостных программ, в которых эксперты гадают, кто именно виноват в содеянном. Кто эти люди, совершившие теракт? Чего они добиваются? Что делали раньше? Могут ли совершить новые теракты? Угрожает ли всем нам опасность? Что делать, как от них защититься? Уже не раз говорилось, что у терроризма много общего с театром, а театральное представление — это коллективный опыт, и сила воздействия спектакля на зрителей напрямую зависит от их вовлеченности в происходящее на сцене.

ТЕРРОРИЗМ СЕГОДНЯ

В последние годы террористический театр стал более камерным. Мы хорошо знаем методы террористов — лучше, чем когда-либо. Раньше считалось, что террористические группировки всегда пытаются привлечь наше внимание с помощью масштабных операций. Но такие теракты требуют тщательной подготовки и колоссальных расходов. Планирование подобных акций занимает немало времени, для их совершения требуется определенный уровень подготовки и особое стратегическое чутье, позволяющее выгодно использовать ситуацию, сложившуюся после теракта. Временная Ирландская республиканская армия обычно выбирала время для терактов таким образом, чтобы репортажи о взрывах заполнили все вечерние новостные передачи. Но так было раньше. За последние 30 лет в области взаимодействия человека с технологиями произошли фундаментальные изменения — сейчас мы все чаще становимся виртуальными псевдоучастниками террористического насилия. Так, 27 октября 2018 года в праворадикальной социальной сети Gab было опубликовано следующее сообщение: «Смотрите внимательно. Я вхожу в здание». Несколько мгновений спустя 46-летний Роберт Бауэрс с полуавтомати-

ческой винтовкой в руках вошел в синагогу «Древо жизни» в квартале Сквиррел-Хилл в Питтсбурге, штат Пенсильвания, и застрелил 11 человек, а 7 ранил. Для еврейской общины Соединенных Штатов это вооруженное нападение стало самым смертоносным по числу жертв. Высказывались мнения, что убийства в синагоге — результат роста антисемитских настроений за несколько месяцев до описываемых событий: почти за год до этого неонацисты и другие ультраправые группировки собрались в Шарлотсвилле, штат Вирджиния, чтобы попытаться объединить возрождающееся, хотя и раздробленное, белое националистическое движение в США. Это событие вызвало осуждение широкой общественности, но с тех пор антисемитские акции и преступления на почве расовой ненависти начали происходить все чаще.

Спустя полгода после событий в Питтсбурге произошло еще одно вооруженное нападение, на этот раз в Крайстчерче, в Новой Зеландии. Жертвами 28-летнего Брентона Тарранта во время пятничной молитвы в двух мечетях стали мужчины, женщины и дети — всего 51 человек. Таррант, известный белый расист, транслировал убийства в прямом эфире на своей странице в Facebook. Через несколько месяцев в Эль-Пасо, штат Техас, в местном супермаркете Walmart были убиты 23 человека. Убийца — 21-летний стрелок Патрик Крузиус — незадолго до вооруженного нападения опубликовал антииммигрантский манифест на скандально известном анонимном имиджборде 8chan. Крузиус заявил, что на убийства его вдохновили действия Тарранта в Новой Зеландии. Сегодняшние террористы выбирают своих жертв не только по национальному или религиозному признаку. Критериями отбора могут стать этническая принадлежность, пол, раса и сексуальная ориентация. При этом терроризм произрастает в мире, который с каждым годом сужается, — во всяком случае, складывается такое впечатление. Раньше мы различали внутренний и международный терроризм. Сегодня теракт

в Новой Зеландии вдохновляет террориста в Техасе, а бойня в Калифорнии может спровоцировать убийства в Торонто. Становится очевидно: расстояния не играют никакой роли. Значимость фактора удаленности фактически стремится к нулю, когда речь идет о террористах и о том, что на них влияет и побуждает совершать теракты.

Современные технологии кардинально изменили терроризм и продолжают усиливать его психологическое воздействие такими способами, о которых раньше мы и помыслить не могли. Когда теракты транслируются в режиме реального времени на платформах социальных сетей, мы словно становимся их непосредственными свидетелями, и это ощущение вовлеченности завораживает. Мы понимаем, что не должны смотреть трансляцию теракта, но искушение велико. Мы ищем оправданий: смотреть надо, чтобы понять, что именно движет террористами. Но даже если мы правы, просмотр трансляции теракта вряд ли поможет понять преступников и их мотивацию. Зачастую террористы подробно объясняют свои действия и цели, но зрители все равно ловят себя на мысли: «Ничего не понимаю!» Еще один пример: 23 апреля 2018 года в центре Торонто небольшой грузовик выехал на тротуар. Десять пешеходов, в том числе восемь женщин, погибли на месте. Еще 16 человек (тоже в основном женщины) получили ранения, а одна из пострадавших скончалась от полученных травм через три года после теракта. Водитель, 25-летний Алек Минасян, сдался полиции и был арестован. На допросе он заявил следователю, что он инцел*, и добавил: «Я сделал это от имени всех обозленных инцелов, которые, как и я, никак не могут ни с кем переспать»¹³. Причина вынужденного воздержания, утверждают инцелы, — длинноногие «Стейси» (так инцелы называют симпатичных

* Инцел (от англ. involuntary celibate — «вынужденный целибат») — страдающий от вынужденного воздержания. — *Прим. пер.*